

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

*Православное наследие как источник
духовного и
общественного развития России*

**Материалы XXII-ых Духовно-исторических чтений памяти
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия**

Томск – 2013

ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «ЮШКА»

О. Зелень

Томский государственный университет

Научный руководитель: О.Н.Бахтина, д.ф.н., проф.

В настоящее время наблюдается интерес к творческому наследию А. Платонова. Осуществляется поиск новых путей к пониманию философско-эстетических взглядов автора, открываются перспективы подробного изучения его работ. Однако пристальное внимание исследователей направлено, в основном, на произведения, большие по своему объему и значимости. В частности, это касается романов «Чевенгур» (1926-1929 гг.), «Котлован» (дек. 1929 г.-апр. 1930 г), «Счастливая Москва» (1932-1936 гг.) и т.д. В зоне нерассмотренного материала остаются маленькие рассказы А. Платонова, один из которых мы попытаемся проанализировать в данной работе. Феномен юродства тоже является недостаточно изученным явлением. Ряд исследователей, таких, как И.А. Есаулов, Н.Н. Ростова, Т. Недоспасова и др., отмечают отражение этого явления в творчестве А. Платонова.

Интересным является и то обстоятельство, что феномен юродства находит отклик не только у православных деятелей. Как считает доктор исторических наук С.А. Иванов, *«постепенно юродство проникло во все сферы нашей жизни»*. Наглядным примером тому служит ряд произведений отечественной литературы. Например, показательно и правдоподобно создается образ «*Николки – железного колпака*» в произведении А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825 г). Согласно агиографическим источникам, речь идет о Бл. Иоанне Юродивом, Московском чудотворце, который подвизался в XVIII веке. Но не только А.С. Пушкин обращается к образу блаженного в своих творениях. Юродивого Гришу описывает в книге «Детство» (1852 г.) Л.Н. Толстой. Появляется князь Мышкин в произведении Ф.М. Достоевского «Идиот» (1867-1868 гг.) и т.д.

Примечательно, что если в XIX веке введение в литературные произведения религиозной тематики не встречает сопротивления цензуры, то после 1917 года в силу изменения государственного и общественного устройства дело обстоит совсем иначе. По мнению известного платоноведа В.А. Чалмаева, *«вера в высший разум и заступничество Христа сменялась тревожной догадкой о богооставленности России»*. Это страшный неустойчивый период смены власти, коренных изменений политического режима, которые не могли не отразиться на духовной жизни людей. Под литературный «прицел» попадает конфликт религиозных традиций и атеистической пропаганды, общества в целом и его представителей в частности. Это век нравственных переломов и смены

жизненных ориентиров, и здесь важны не только государственные реформы, но и отражение их в жизни отдельных людей.

Нельзя сказать, что А. Платонов прямо обращается к религиозной тематике. Однако в большей степени его духовные искания, переплетенные с переживанием собственной нелегкой судьбы, отражают положение народа по отношению к власти. Так, устами Петра Савельича в рассказе «Старый механик» автор выражает свою близость к «простому люду»: *«А без меня народ неполный!»*. Его произведения говорят нам о «сокровенности» русского сердца, ищущего свое место в истории, приспособляющегося к государственному режиму и пытающегося при этом сохранить свою самобытность.

Исследователи замечают глубинные подтексты в произведениях А. Платонова, ориентированные на пробуждение совести русского человека. Отечественная литература всегда отличалась своей «соборностью», вбирающей в себя архетипическое сознание народа. По мнению И.А. Есаулова, рождественский архетип сменяет пасхальный. Поэтому можно говорить об идее всеобщего спасения мира, в котором должен участвовать каждый человек.

Так проступает концепция А. Платонова, выдвигающая «сокровенного человека» на первый план. Подобный герой, по образному выражению В. Ермакова, воплощает *«немое горе Вселенной»*. Но как ему выжить в жестокое государство, возникает вопрос, как сохранить генетический код святости в условиях атеистической эпохи. С учетом данного обстоятельства наблюдаются расхождения с классическим образом святого юродивого в произведении А. Платонова «Юшка». Автором данный рассказ не датируется, однако он содержится в сборнике произведений 30-х годов. Текст отличается небольшим объемом. В нем довольно прозрачно просматриваются композиционные компоненты. Завязка дает нам общее представление о Юшке, в развитии действия мы подробно знакомимся с образом жизни героя, выявляем его нравственную позицию и наблюдаем особенности его взаимоотношений с людьми. Кульминационным моментом является смерть героя, а в финале, содержащем в себе отголоски утопических идей, появляется девушка, которая потом своеобразно повторит его добродетели.

Повествовательная манера автора отличается внешней простотой и нарочитой нестройностью. Выражение *«давно, в старинное время»* отсылает нас к фольклорным традициям и напоминает форму народного сказа. Эта деталь позволяет предположить, что герой близок к коллективному сознанию народа. Перед нами изображение жизни одного человека, противостоящего толпе, но одновременно являющегося его частью. На проверку он оказывается одним из лучших ее представителей.

Сразу обращает на себя внимание номинация героя: *«Звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой»*. Об этом свидетельствует заглавие произведения. Представляет интерес семантика имени героя. «Ефим» в переводе с греческого означает «благочестивый». Однако более важной является не гражданская номинация героя, а ее интерпретация в глазах окружающих людей. В толковом словаре русского языка дается два значения слова «юшка»: бульон и – в переносном значении – кровь. Нас интересует второе значение как символ страдания, мученичества и жертвенности. Здесь наблюдается первое сходство с настоящими юродивыми Христа ради. Существует ряд подвижников, которых народ наделяет определенными прозвищами. Так, в житии Св. блаженного Николая (XIV в.), современника бл. Феодора (XIV в.), находим: *«св. Николай прогонял Феодора со своей стороны, бросая в него кочанами капусты, почему получил название Кочанова»*.

Помимо упомянутых номинаций, мы встречаем следующие обращения к нему: *«блажной»* и *«юрод»*. Эти выражения используются в пренебрежительном, презрительном ключе, однако важно, что автор обнажает связь своего героя с носителями русской святости. При обращении к толковым словарям русского языка мы обнаруживаем, что данные номинации стоят в одном синонимическом ряду и составляют единое семантическое поле. Этот же вывод можно сделать при изучении *«Азбуки христианства»*, где подчеркивается тождественность понятий *«юродивый»* и *«блаженный»*.

Не менее значимой является портретная характеристика героя: *«Он плохо видел глазами и в руках у него было мало силы»*; *«Он был мал ростом и худ»*. Это свидетельствует о физической слабости Юшки, которая противопоставляется его духовной мудрости и силе. Дальнейшее описание определяет главный творческий концепт А. Платонова: *«глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла влага, как неостывающие слезы»*. Со слепым Юшка сравнивается только внешне, однако при этом он обладает сердцем, просвещенным Божественной истиной. Именно из уст главного героя звучат слова, характеризующие современное ему общество: *«Сердце в людях бывает слепое»*. Таким образом, выявляется концепт *«сердце»*, который исследователи считают центральным в творческой картине мира А. Платонова (в данном произведении слово *«сердце»* встречается 6 раз).

Сравнение влаги с *«неостывающими слезами»* вновь позволяют обратиться к агиографическим источникам. Так, в житии св. Прокопия Юродивого (XIV в.) находим: *«Прокопий слезно молился день и ночь»*. Прямых указаний в тексте на молитвенные обращения Юшки нет, однако, возможно, они подразумеваются.

Описание одежды тоже составляет важнейшую деталь портретной характеристики героя: *«одежду носил долгие годы одну и ту же без смены»*; *«в некоторых местах видно было его белое тело»*. Примечательно, что почти в каждом житии содержится подобное описание внешнего вида юродивого. Св. блаженный Николай (XIV в.) в *«дырявой одежде»*, покрытая *«самым худым платком»* прп. юродивая Исидора (IV в.), *«иногда обнаженный»* (подпоясанный рубищем) или ходящий в *«разодранной рубашке»* Св. Иоанн Юродивый (XV в.) и т.д. Летом Юшка – *«босой»*, зимой – *«ноги обувал в валенки ... и носил ... всю жизнь одну и ту же пару»*. В житиях можно найти множество параллелей: *«Без обуви и в плохой одежде»* подвизается св. Прокопий Юродивый (XIV в.), *«босым»* ходит бл. Лаврентий (н. XVI в.) и др.

Описание образа жизни Юшки тоже напоминает аскетическое самоограничение святого. Хозяин *«кормил его за работу хлебом, щами и кашей»*; *«Юшка чаю не пил и сахару не покупал, он пил воду»*. То жалование, которое герой получает за работу в кузнице, он может тратить на *«чай с сахаром»*, однако от них он добровольно отказывается, и позже будет ясно, почему. *«Чай с сахаром»* является символом достатка и изобилия, но, по сравнению с воздержанием главного героя, воплощает элемент чревоугодия как стремления всячески насытить собственную плоть. Думается, все без исключения юродивые ограничивают себя в еде. Так, прп. юродивая Исидора (IV в.) ест *«остатки от трапезы монахинь»* и пьет *«вымывки из посуды»*; держит *«пост»* Св. блаженный Николай (XIV в.), бл. Василий, Московский чудотворец (XVI в.) и бл. Симеон Юрьевецкий (XVI в.); *«хлебом и водой»* питается бл. Исихий (VI в.) и т.д.

Ночлег Юшка находит на кухне хозяина; идет на работу ранним утром (тогда же поднимаются остальные) и возвращается поздним вечером (значит, *«пора ужинать и спать»*). Герой предстает своеобразным «мерилом» жизни других людей. Они нуждаются в нем подсознательно, только этого никто не признает. Юшка живет среди них, но в то же время его духовный мир автономен. Здесь проявляется момент «одиначества в толпе». Это же можно сказать и про юродивых. Все замечают Юшку, но никто не приносит ему доброты и тепла. Вбирая худшие из человеческих пороков в самое себя, он только продолжает освещаться. Здесь нет безобразного поведения, намеренной провокации и сурового обличения «сильных мира сего», которые отличают настоящих юродивых. Однако Юшка терпит страдания и поношения и через это побеждает смерть. Здесь наблюдается прямая связь с философским учением Н.Ф. Федорова, хотя сущность подвига юродства тоже генетически закладывается в этот образ.

Даже дети, обычно изображающиеся А. Платоновым чистейшими и непорочными, являются частичкой грешного, нераскаянного мира, который своим злом тяготится и выплескивает его на других. Но слабым является не тот, кто терпит поношения, а тот, кто посредством этого выплеска заставляет человека страдать. Безответное терпение страданий восходит к высшим христианским идеалам: будучи прибитым ко Кресту, так поступает Сам Спаситель. Подобно святым, Юшка *«не отвечает детям и не обижается на них»*, не *«ругает»* их и *«не берется за хворостину»*. Смиренно и молчаливо переносит оскорбления и от взрослых людей, которые от его *«кротости»* мгновенно ожесточаются и бьют его *«больше, чем хотели сначала»*.

Двойственность положения Юшки заключается в том, что народ избивает и мучает его, но подсознательно в нем нуждается: *«Он знал, отчего дети смеются над ним»*; *«он нужен им, только они не умеют любить человека»*. Это же касается взрослых людей: *«Меня, Даша, народ любит!»*. Спокойно и уверенно идет герой по дороге света. Грешный, испорченный мир, сверкающий внешним благолепием, противопоставляется униженному, всеми попираемому чудаку. Недаром говорят ему: *«Не мудруй!»*. Между тем, мудрость у Юшки – высшая, пропитанная светом Божественной правды. Он хранит в себе зерно Любви как высшей человеческой ценности. В нем проявляется то лучшее, к чему всегда тяготело русское сердце. Здесь же просвечивается идея всеобщего равенства. Никто не имеет права отнимать у другого жизнь: *«Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя...»*.

Всю жестокость мира впитывает в себя Юшка, но не уносит ее с собой. Погибая от сильного удара в чахоточную грудь, он оставляет зло в мире, тогда как настоящий юродивый приводит окружающих к исправлению и покаянию. Юшка является своеобразным катализатором, вбирающим в себя то плохое, что беспощадно и грубо выплескивает на него мир. Он живет и умирает один – брошенный на дороге, окровавленный, избитый. Но если зачастую юродивых народ почитает еще при жизни, то этого нельзя сказать про главного героя. Только после тихой, мученической смерти Юшки люди сознают свою привязанность к нему: *«К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку и потешался над ним и мучил его при жизни»*. Между тем, *«без Юшки стало хуже»*. Злоба остается между людьми, вот только не на кого ее выплескивать.

Финал произведения представляет собой отражение утопических взглядов А. Платонова. Герой берет на себя функции отца, и в этом проявляется высшая форма его самопожертвования. Девушка, которая хо-

чет вылечить Юшку от чахотки, говорит: *«Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионом... Каждый год он приходил проводить меня и приносил деньги на весь год, чтоб я жила и училась»*. Юшка жертвует всем, что у него есть, во имя любви к ближнему. Этот принцип «всеотдания» и воплощение жертвенной любви встречаем мы и в житиях юродивых: раздает имение бедным Св. Прокопий Устюжский (XIV в.), ухаживают за больными, кормят странников, смотрят за сиротами бл. Феозва (IV в.) и бл. Таисия (V в.), строит храм бл. Ксения Петербургская (XIX в.) и т.д. Добродетель, начатая Юшкой, находит свое отражение в молодой девушке.

Таким образом, можно сказать, что А. Платонов создает образ Юшки неслучайно. Актуальность изображения «сокровенного человека» в творчестве автора совмещается с неустойчивым положением России в XX веке. Она находится на грани духовного обнищания, и потому Юшка так *«нужен»* людям. В этот же период происходит переосмысление христианских ценностей. Современная автору эпоха вносит свои коррективы в классический образ юродивого, который трансформируется и наполняется новым содержанием. На данном историческом отрезке он представляет собой скорее культурное, нежели религиозное явление. По набору характерных черт читатель узнает архетипические черты юродивого в образе Юшки. Автор не может прямо писать о подобных явлениях, но указаниями на них обновляет приметы культурного кода. Как бы ни пытались государственные преобразования повлиять на самосознание народа, есть вещи, которые во все времена остаются неизменными. Здесь возникает проблема «культурной памяти». Этим объясняется острая необходимость в героях-праведниках, которые помогают не забывать о высших нравственных ценностях. В этом проявляется своеобразие образа юродивого в произведении А. Платонова «Юшка».